

Философская покорность судьбѣ и болѣзненное малодушіе.

(Этюдъ изъ жизни медиковъ на войнѣ).

(Окончаніе) ¹⁾.

— Уходи, уходи отъ меня, злодѣй!... вскричалъ взволнованно второй врачъ. — Ты отравляешь мнѣ послѣднія минуты. Ты извергъ, а не врачъ. Ты мнѣ говоришь о смерти, что я долженъ умереть, а я умирать не хочу... не хочу. Я жить хочу... жить! Ступай отъ меня прочь, бездушный человѣкъ, и не приходи ко мнѣ.

Раздается истерическій плачь; разыгрывается истерическій припадокъ съ судорогами и долгими всхлипываніями. Изъ горла показывается кровь...

Врачи полка видѣли, что, если въ спокойное время, во время стоянки полка, врачъ этотъ является непригоднымъ дѣятелемъ, то во время боевъ онъ будетъ большой помѣхой. Кромѣ того, видя, что онъ дѣйствительно боленъ, отправили его въ тылъ арміи—въ госпиталь, свидѣтельствуя, что онъ страдаетъ *истеріей* и есть подозрѣніе на туберкулезъ легкихъ.

Здѣсь, въ тылу, настроеніе его улучшилось, припадки его прекратились. Были получены письма изъ дому, откуда сообщали, что

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1913 г., № 12.

всѣ здоровы и все идетъ хорошо. И онъ успокоился. Однако, мысль, что у него не только нервы... но еще и туберкулезъ, такъ засѣла, что онъ всѣмъ и каждому говорилъ о туберкулезѣ.

Явился къ медицинскому начальству и просилъ теперь не объ оставленіи въ одномъ изъ госпиталей въ качествѣ врача, а объ увольненіи домой въ Россію, для лѣченія туберкулеза.

Увидя вернушагося обратно съ позицій и со свидѣтельствомъ о болѣзни, начальство *отнеслось подозрительно*. «Это увертки»... говорило оно...

Приведенные герои разсказа оба врачи запаса, однихъ лѣтъ; семейные, оба евреи, прошедшіе тяжелую школу жизни; причемъ первый — герой философской покорности судьбѣ—повидимому, еще болѣе трудную, чѣмъ второй — герой болѣзненного малодушія.

Между тѣмъ по жизни на войнѣ, въ смыслѣ врачебной трудоспособности, оба они полная противоположность. Одинъ въ истинномъ пониманіи своего долга предъ государствомъ исполняетъ свой врачебный трудъ въ передовыхъ линіяхъ, въ соприкосновеніи съ непріателемъ, съ полной добросовѣстностью и съ полной покорностью, безъ ропота. Другой, пріѣхавъ на войну, малодушно боится войны, боится боя, боится за свое здоровье, за свою семью, оставшуюся дома, въ Россіи, боится за репутацію честнаго человѣка, однимъ словомъ, всего боится и, можно сказать, демонстрируетъ предъ всѣми свою боязнь и малодушіе.

Безъ всякаго психологическаго анализа, одинъ лишь внимательный медицинскій осмотръ приведенныхъ субъектовъ могъ бы установить фактъ капитальной важности, именно: первый изъ нихъ физически и нервно-здоровый субъектъ, а второй, при кажущемся физическомъ здоровьѣ (хотя онъ былъ блѣденъ), субъектъ нервно-больной, истерикъ со всѣми признаками, свойственными данному страданію.

Естественно, напрашивается вопросъ; если онъ былъ боленъ и боленъ серьезно, то почему же его коллеги—врачи, завѣдующіе медицинскимъ отборомъ лицъ, годныхъ и негодныхъ для военной службы, взяли его на войну, а, взявши на войну, по прибытіи его на театръ военныхъ дѣйствій, не отправили въ госпиталь или обратно домой, а продолжали держать въ войскахъ, позволяя, какъ бы съ разрѣшенія начальства, распространять *заразу малодушія и ропота* среди другихъ военно-служащихъ, съ нимъ соприкасающихся.

Причины этому, конечно, были.

Свыше 60% врачей на войнѣ были запасные и большой процентъ среди нихъ врачи евреи.

Почти всѣ врачи запаса, призванные на войну изъ Россіи, не были изслѣдованы относительно здоровья и пригодности къ военной службѣ, ни на мѣстѣ призыва, ни въ первомъ крупномъ военно-медицинскомъ центрѣ. Всѣ они были призваны и ѣхали на войну въ предположеніи, что врачи, конечно, всѣ совершенно здоровы.

И, дѣйствительно, предположеніе, что работающій врачъ можетъ быть настолько боленъ, что нуждается въ освобожденіи отъ призыва на войну, не вяжется съ нашимъ представленіемъ о врачѣ, раздающемъ здоровье другимъ. А между тѣмъ, согласно русской поговоркѣ: «сапожникъ безъ сапогъ», а «портной безъ платья», и врачъ самъ больной—явленіе въ жизни обыденное. Такимъ образомъ, больные врачи запаса могли пріѣзжать и, дѣйствительно, пріѣзжали на войну. Пріѣхалъ и нашъ герой болѣзненного малодушія.

Пріѣхалъ... не успѣлъ еще вступить въ работу и вдругъ заявляетъ по начальству: «боленъ»...

«Боленъ?» спрашивали его удивленно. «Чѣмъ?... Самъ врачъ, только что пріѣхалъ... и на столько, будто бы, боленъ, что не можетъ нести военно-врачебной службы... Сомнительно... Къ тому же... врачъ то онъ врачъ, но онъ еврей... а это вдвойнѣ сомнительно... А чѣмъ боленъ?» спрашивали его. «Нервной болѣзнию...» «Нервной!» удивленно восклицали въ медицинскихъ сферахъ и безъ всякаго медицинскаго осмотра рѣшали окончательно: «неправда это, лодырѣ и трусь, надо проучить»...

Нервные болѣзни больше всѣхъ другихъ болѣзней смущали военныхъ врачей, особенно болѣе пожилого возраста, въ Русско-японскую войну; онѣ появились не только среди врачей, но и въ средѣ офицеровъ, и, что еще непонятнѣе, въ средѣ нижнихъ чиновъ.

Опытъ предыдущихъ войнъ Крымской и Русско-турецкой говорилъ стоящимъ во главѣ медицинскихъ учрежденій, что тамъ нервно-больныхъ не было ²⁾. Мнѣніе окружающей среды было таково: «нервно-больной? не слыхано». «Если признавать нервныхъ, то всѣ на войнѣ нервны», тогда всѣхъ нужно на койку; кто же

²⁾ Конечно нервно-больные тамъ были; были несомнѣнно, но, въ силу слабыхъ познаній тогдашнихъ врачей въ нервныхъ болѣзняхъ, они ни отмѣчались и шли подъ другими названіями.

воевать будетъ? «Нервный?» Знаемъ мы, что значить нервный: «симулянтъ» онъ, «лодырь», а не больной; «гнать его надо».

Военный врачъ, по званію своему, служить двумъ цѣлямъ одновременно: съ одной стороны онъ, какъ всякій гражданскій врачъ, долженъ лечить приходящихъ больныхъ воиновъ, съ другой стороны, какъ стражъ интересовъ арміи, больныхъ долженъ сортировать по ихъ трудоспособности на войнѣ—онъ *судья ихъ здоровья*. Серьезно-больные поступаютъ подъ покровительство законовъ; могущіе же нести тяжести военной службы, но уклоняющіеся отъ нея подъ видомъ болѣзни, должны отсылаться обратно на свои работы...

Военному врачу, чтобы быть истиннымъ судьей и справедливымъ цѣнителемъ трудоспособности на войнѣ, нужно быть хорошо образованнымъ по всѣмъ болѣзнямъ, вѣрнѣе, нужно быть специалистомъ тѣхъ болѣзней, судить о которыхъ онъ призванъ. Быть же специалистомъ всѣхъ болѣзней въ настоящее время нѣтъ возможности. Между тѣмъ, военный врачъ, по званію своему, обязанъ знать всю медицину. Отсюда, съ одной стороны—обязанъ знать, съ другой стороны—нѣтъ возможности знать, и въ результатѣ получается нежелательный диллетантизмъ.

Въ частности, о нервныхъ болѣзняхъ... Болѣе детальная и научная разработка ученія о нервныхъ болѣзняхъ началась съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Врачи, стоявшіе во главѣ учреждений, въ силу своихъ лѣтъ, учились медицинѣ въ 80-хъ годахъ и, слѣдовательно, не прошли школы изученія нервныхъ болѣзней, а впоследствии, конечно, не специализировались. Взглядъ на нервныя болѣзни у нихъ былъ простой. Они, повидимому, не отличали обиходной «нервности» отъ «нервныхъ болѣзней», собственно. И всякаго нервно-больного, вмѣсто врачебнаго изученія, прежде всего встрѣчали недовѣріемъ... «Нервный? Знаемъ мы, что значить нервный: «симулянтъ» онъ, «лодырь», а не больной.» Повторяя избитую фразу «знаемъ мы...», собственно нервныхъ болѣзней и «симуляціи» нервныхъ болѣзней они не знали.

Но вмѣсто того, чтобы сознаться въ этомъ и поручить выработать опредѣленный взглядъ и отношеніе къ этого рода больнымъ на войнѣ компетентнымъ лицамъ въ вопросахъ неврологіи и психіатріи, дѣйствовали по шаблону. «Чего я не знаю, того не существуетъ...»

Мнѣніе же другихъ лицъ, специалистовъ этихъ вопросовъ, какъ

опытъ показывалъ, могло угнетаться и угнеталось «силою власти» и при случаѣ считалось «противленіемъ и неуваженіемъ къ начальству».

Быть можетъ покажется невѣроятнымъ, но факты были на лицо, что плодомъ описываемаго отношенія военныхъ врачей къ нервно-больнымъ, въ Русско-японскую войну образовалась особая группа людей, проведшихъ всю войну то въ госпиталѣ, то въ перездахъ изъ госпиталя въ часть и обратно, и не служившихъ своему прямому дѣлу, къ которому они были призваны, иногда ни одного дня. Это—лица, гонимыя врачами изъ госпиталей, какъ здоровыя, практической же жизнью выдѣленные, какъ больныя.

Пояснимъ это положеніе. Военная жизнь требуетъ постоянного нервного напряженія и труда отъ участниковъ войны. Лица, способныя къ постоянной дѣятельности, являются цѣнными для дѣла. Если же между здоровыми имѣются лица слабыя, неспособныя къ постоянному проявленію своей дѣятельности, то они, помимо того, что мало помогаютъ дѣлу, еще тормозятъ его, требуя ухода за собой отъ лицъ здоровыхъ. Товарищи общаго дѣла, въ нашемъ случаѣ врачи, въ другомъ—товарищи офицеровъ, у нижнихъ чиновъ—солдаты и ихъ начальники, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ взаимной работы, такъ изучаютъ другъ друга, что прекрасно знаютъ, кто храбръ, кто трусь, кто лѣнивъ, а кто боленъ.

Отсюда, лица слабыя отмѣчаются своими же товарищами, какъ нездоровыя и для дѣла негодныя, и отправляются въ госпиталь, иногда съ запискою полкового врача, свидѣтельствующаго о нервномъ страданіи больного.

Госпитальный врачъ осматриваетъ такого больного и, не найдя, на его взглядъ, страданій ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ, отсылаетъ его обратно въ часть, какъ здороваго. Прибывъ въ часть, онъ поступаетъ на работу, но вскорѣ же проявляетъ свое недомоганіе и снова отсылается обратно въ госпиталь.

Тамъ прежнее отношеніе—признаніе здоровымъ и отсылка въ полкъ, а тамъ обратная посылка въ госпиталь, какъ больного.

Кому больше вѣрить? Средѣ-ли товарищей, хорошо знающихъ своего собрата и по работѣ и по здоровью, или же госпитальному врачу, часто совершенно незнающему той спеціальности, по которой присылается ему больной, компетентно рѣшающему, что «онъ здоровъ».

Нашъ герой болѣзненнаго малодушія несомнѣнно нервно-больной.

Врачами тыловыхъ учрежденій былъ признанъ здоровымъ и былъ посланъ въ полкъ... Товарищами же по полку былъ признанъ больнымъ и неспособнымъ къ несенію врачебныхъ обязанностей въ передовыхъ линіяхъ.

Кому больше вѣрить? Врачамъ тыловыхъ учрежденій, хотя бы и высокаго званія, или же врачамъ товарищамъ по совмѣстной работѣ? Думаю, что должно быть принято во вниманіе свидѣтельство товарищей по совмѣстной работѣ. *Въ опредѣленіяхъ военной трудоспособности того или другого лица свидѣтельство товарищей или учрежденія, въ которомъ оно служитъ, должно играть не меньшую роль, чѣмъ медицинское свидѣтельство врачей.*

Ш—ъ.

